

Без Калуги и Канзаса театр был бы неполным

В российской и американской провинции можно спастись от культуры вседозволенности

Виталий ВУЛЬФ

Только-только до меня дотянулся слух, что недавно кто-то из известных критиков в Москве предлагал закрыть провинциальные театры, убеждал, что их надо заменить частными антрепризами, короче, доказывал, что они не нужны. Что-то было принимающее в самой постановке вопроса, обычно с своим превосходством кричат бывшие провинциалы, очень неуверенные в себе. Нужно ли еще раз напомнить, что без театра нельзя себе представить жизнь ни одного российского города.

Помню, после войны Илья Эренбург писал, как его поразила молодая преподавательница русской литературы, рассказывавшая ему, что иногда ей удается съездить на восхождение за 30 километров в Пензу — там ведь театр...

Сегодня, спустя пятьдесят лет, в России увлекаются рок-музыкой и «суперзвездами». Алла Пугачева, талантливейшая русская эстрадная певица, стала символом нации, а, выбирая советника по культуре, московская мэрия остановилась на эзопском по разным причинам имени Иосифа Кобзона.

В доме мистика и астролога, фотографии обнаженных девиц ставят привычными снимками в газетах, проститутки толпами осаждают Тверскую в столице России. Полуэтнографическая литература распространяется со скоростью полета пули. Культ вседозволенности и потребительства процветает во всю. Пришел «новый образ жизни», в котором слились водино экстаза по поводу него и его голое отрицание. Какое место в этом «новом образе жизни» занимает театр?

В Калугу меня привлекло любительское областное драматическое театры поставил пьесу Уильямса «Молочный фургон не останавливается больше здесь», которую я переводил несколько лет тому назад. Долго-долго ее репетировали во МХАТе имени Чехова, и теперь она изредка идет на Новой сцене театра (это означает Малая сцена) с Татьяной Глазковой и Ниной Гуляевой в главных ролях. По этой пьесе в 60-е годы был снят фильм под названием «Бум» с Элизабет Тейлор и Ричардом Бартоном, но успеха он не имел. Голливуд почти никогда не справлялся с тонкой психической трагичностью уильямсовских пьес. И вот в Калуге режиссер Александр Баранников решил поставить сложнейшую драму американского драматурга ко дню бенефиса актрисы калужского театра Любови Андреевны Кремневой, отмечавшей сорок лет своей сценической деятельности. Кремневая играет миллионершу миссис Гофорт. С первой минуты ее появление стало очевидно, что на сцене — актриса острая, резкая, умная, точно знающая, во имя чего она играет трагедию женщины, цепляющейся за жизнь и сознающей, что время ее истекает.

Миссис Гофорт живет в нечеловеческом напряжении, потому и диктует свои никому не нужные мемуары. Встреча с молодым битником, поэтом Кристофером Фландером, которого все называют «ангелом смерти», составляет философское зерно пьесы. Молодого человека играет Константин Деникин, одаренный актер, но совсем неподходящий к роли, но сумевший принести в нее мистические мотивы. Игра, разгравляемая на наших глазах, бу-

дит воображение, в зале абсолютная тишина, возникает ощущение, что ты не в Калуге, а где-то на фестивале на Западе смотришь спектакль, созданный первоклассными мастерами.

Наверное, жизнь калужского театра, в котором уже несколько лет нет главного режиссера, полна решаемых и нерешаемых противоречий. Проблемы провинциальных театров достаточно схожи: мало молодежи в труппе, нет объективности во внутритеатральных оценках, мало сильной режиссуры, нет художественного руководителя, встречи с профессиональными критиками редки.

Давно известно, что работа в провинции не может принести шумной славы. Актеры могут познать успех, стать «любимцами публики», быть почитаемыми в своем городе, но жизнь ведут нелегкую, и, в сущности, мало кто заботится об их судьбе. Бывают исключения. Последнюю скандальную «Золотую маску», породившую столько слухов и слетевшую из-за редкой бездарности ритуала ее вручения, получил Омский драматический театр. Театр, руководимый режиссером Владимиром Петровым, увез четыре премии. Сегодня Петров собирается в «Современнике» ставить Пиранделло. Провинция полна талантливыми людьми, жаль, что знаем мы их очень мало.

Конечно, театр ныне в меньшем фаворе, чем прежде. В моде «звезды» массовых коммуникаций. Жизнь повсюду коммерциализируется, люди уходят в эгоизм. Общество живет в атмосфере сенсаций и преувеличений, скандалы занимают отдельную рубрику в прессе. Торжествует эстетика роскошной развлекательности. Однако коммерческое пространство не может восполнить недостатка в настоящем искусстве. Именно в наступившую эпоху оказалось, что театр очень нужен людям и не утратил своего обаяния, своей уникальности. Массовое восприятие все равно отвечает к «единичному», хотя «единичное» и мельче по качеству.

Этот процесс происходит во всем мире. И в США рок-музыканты препарились в экзотических и запатентованных персонажах. Бродвей наводнил мюзиклами, здесь их умело ставят, а спектакли драматического театра, с их психологической правдой ролей, не вызывают огромный интерес. Ведь не случайно американскую премию «Драма деск» получил московский «Современник», а самым знаменитым спектаклем Бродвея весной этого года стала ибсеновская «Нора» с английской актрисой в главной роли.

Искусство театра, по-прежнему пополняет душевное пространство. Мне довелось недавно принимать участие в США в театральном фестивале, посвященном Уильяму Инджу, американской драматургу, покончившему с собой в 1969 году. По его пьесе «Автобусная остановка» когда-то был снят знаменитый фильм с Мэрилин Монро. Фестиваль ежегодный, и проходит он в маленьком провинциальном городке Индепенденс (штат Канзас). Тихий, чистый городок, на улицах ни души, коровы на полях и много машин. Смысл фестиваля — награждение кого-нибудь из выдающихся драматургов и встречи театральных людей друг с другом. В этом году все клубилось вокруг Нила Саймона, самого прославленного американского автора бесчисленных комедий, на Бродвее даже есть театр име-

ни Нила Саймона. В Москве идут его пьесы: в Театре-студии Олега Табакова — «Билкокси-блюз», в Театре сатиры — «Босиком по парку», в Малом зале Театра Вахтангова — «Веселые парни». Имя Инджа — лишь повод для проведения фестивала. Индж родился в этом городе, здесь он учился, здесь и похоронен. Из Москвы в Индепенденс приехали два актера: Светлана Брагарник и Владимир Самойлов, совсем недавно игравшие у себя в театре имени Малого пьесу Инджа «Вернис», Малота Шеба. Честь открытия фестивала была предложена русским. Мы обрадовались, но оказалось, что играть надо днем, когда зал был наполнен публикой. Все съезжались к вечеру, когда должны были играть пьесу Нила Саймона «Нора» в отеле «Плаза». Но слух о талантливых русских разлетелся очень быстро, и на следующий день вопреки всем фестивальным правилам Светлана Брагарник и Владимир Самойлов еще раз вышли на сцену играть свою «Малютку Шебу». Зал был забит, актеры стали героями фестиваля.

Джордж Сигал, знаменитый американский актер, игравший Ника в фильме «Кто боится Вирджинии Вульф?», потом долго расспрашивал о театральном Москве. Нил Саймон, холерный, умный, избалованный человек, заргорел идеей посетить Москву, и чувство гордости переполнило нас, когда мы видели, как принимает чопорный фестивальный зал русских актеров.

Там, в далеком Индепенденсе, в консервативном Канзасе, куда на несколько дней раз в году съезжаются американские театральные знаменитости, думалось о России, о том, в чем мы сильнее и почему не умеем ценить сами себя.

А в Москве кончается театральный сезон. Марк Захаров выпустил «Варвар и эретики» по роману Достоевского «Игроки» с блистательно играющими Абдуловым и Ниной Чуриковой в роли Бабуреньки. Вокруг спектакля споры, несогласия критиков — и толпы, осаждающие театр в поисках лишнего билета, спекулянты продают их с рук за полмиллиона.

Олег Табаков поставил и сыграл «Сублимацию любви» Альдо Бенедетти. Татьяна Доронинова во МХАТе имени Горького обратилась к «Дане-невидимки» Кальдерона. Молодежный театр играет «Зеленую птичку» Карло Гюцца...

Театры стремятся к самоутверждению и оригинальности. Пока пишут и говорят о «кризисе театра», он живет и трудится, и привлекает внимание к себе экстравагантными причудами, умением приспособливаться, попытками заново открывать прочитанное. Мода вульгарна, и это отражается на тех, кто отдает себя на откуп «массовой культуре» в ее рыночном варианте. Все заметно в лицах, в поведении, в манере разговора. Те, кто занят искусством, стараются сберечь себя. В Калуге это труднее, чем в Москве. И когда мы уезжали из города, то думалось, что все эти пригорки, перелески, озерки, создающие скромную, красивую, единственную в своей неповторимости русскую природу, наверное, и творят посреди цветистой ругани и стыдливости нашей жизни человеческие ценности — все то, что начинаешь понимать и ценить в недостатке и в отлучении, когда сознаешь, что от силы воображение театр способен превратить зурядную жизнь в космос.

9.2 - Калуга - КСБТ - Калужский театр